

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.7>

UDC 929.7
LBC 63.2

Submitted: 18.08.2025
Accepted: 06.12.2025

DONATIONS TO THE KIRILLO-BELOZERSKY MONASTERY AS A REFLECTION OF THE SOCIO-POLITICAL EVOLUTION OF PRINCELY FAMILIES IN THE 16th CENTURY

Anton V. Sergeev

Institute of Industrial Safety, Labor Protection and Social Partnership, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article analyzes the records of the donation books of the Kirillo-Belozersky Monastery in the context of studying the socio-political evolution of princely families in the Muscovite state of the 16th century. *Methods.* The study is based on the method of prosopography. *Materials.* The article is based on factual material extracted from the monastery donation books, as well as other sources. *Analysis.* Unlike many other monasteries of the Muscovite state, the archives of the Kirillo-Belozersky Monastery contain not one, but four donation books of different editions compiled in the 16th–18th centuries. A comparison of the records of princely donations showed that in later editions, due to abbreviations during copying, some important biographical information about individuals was lost. Therefore, it is crucial to prioritize the analysis of early edition texts when examining donation entries. In the donation books, most entries do not have dates, which complicates the determination of the dynamics of donations. Dating in these cases was carried out using biographical information about the contributors. The donation entries were used to identify princely families closely associated with the monastery, the social status of the contributors, their baptismal and monastic names, death dates, and marital information. The types of contributions and editing features of the donation books were also elucidated. *Results.* It was concluded that the dynamics of donations reflect the sociopolitical evolution of princely families in the 16th and early decades of the 17th centuries. Furthermore, unpublished editions of the donation books of the Kirillo-Belozersky monastery contain information about a number of individuals from princely families unknown from other sources.

Key words: princes, Kirillo-Belozersky Monastery, donations, Donation books, manuscripts, social status.

Citation. Sergeev A. V. Donations to the Kirillo-Belozersky Monastery as a Reflection of the Socio-Political Evolution of Princely Families in the 16th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 75-85. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.7>

УДК 929.7
ББК 63.2

Дата поступления статьи: 18.08.2025
Дата принятия статьи: 06.12.2025

ВКЛАДЫ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ КНЯЖЕСКИХ ФАМИЛИЙ В XVI ВЕКЕ

Антон Вадимович Сергеев

Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья содержит анализ записей вкладных книг Кирилло-Белозерского монастыря в контексте изучения социально-политической эволюции княжеских фамилий в Московском государстве XVI века. *Методы.* Основным методом исследования является просопографический – изучение биографи-

ческих характеристик группы исторических деятелей. *Материалы.* Изучен фактический материал, извлеченный из монастырских вкладных книг, а также иных источников. *Анализ.* В отличие от многих других обителей Московского государства, в архиве Кирилло-Белозерского монастыря сохранилась не одна, а четыре вкладных книги разных редакций, оформленных в XVI–XVIII веках. Сравнение записей о княжеских вкладах показало, что в поздних редакциях из-за сокращения при переписке исчезли некоторые важные биографические сведения об отдельных лицах. Таким образом, при анализе вкладных записей во внимание прежде всего следует принимать тексты ранних редакций. Во вкладных книгах у большинства записей отсутствуют даты, что затрудняет выяснение динамики вкладов. Датировка в этих случаях осуществлена с помощью биографических сведений о вкладчиках. По вкладным записям определены тесно связанные с монастырем княжеские фамилии, социальный статус вкладчиков, крестильные и монашеские имена, даты смерти, сведения о брачных союзах, а также выяснены виды вкладов, особенности редактирования вкладных книг. *Результаты.* Сделан вывод о том, что динамика вкладов отражает социально-политическую эволюцию княжеских фамилий в XVI – первых десятилетиях XVII века. Кроме этого, неопубликованные редакции вкладных книг Кирилло-Белозерского монастыря содержат неизвестные по другим источникам сведения о ряде лиц княжеских фамилий.

Ключевые слова: князья, Кирилло-Белозерский монастырь, вклады, вкладные книги, рукописи, социальный статус.

Цитирование. Сергеев А. В. Вклады в Кирилло-Белозерский монастырь как отражение социально-политической эволюции княжеских фамилий в XVI веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 75–85. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.7>

Введение. Под социально-политической эволюцией княжеских родов на протяжении XVI – первых десятилетий XVII в. в настоящей статье понимаются изменения численности фамилий, положения в составе «правлящей элиты», политической роли в жизни Русского государства. Изучение этого процесса тесно связано с историко-биографическими исследованиями. Ценным источником необходимых сведений являются монастырские вкладные книги. Задачи настоящей статьи: осуществить датировку вкладных записей, определить виды и динамику княжеских вкладов в Кирилло-Белозерский монастырь (далее – КБМ); уточнить биографии князей, княгинь; установить особенности вкладных книг КБМ как исторического источника. Приведенный ниже порядок рассмотрения вкладов по группам княжеских фамилий («Князья служилые», «Князья Оболенские» и др.) соответствует разделам Дворовой тетради 1550-х годов. Запись князей в этом памятнике осуществлялась в соответствии с их статусом в середине XVI в. [11, т. 1, с. 53–260].

Методы и материалы. Метод решения указанных выше задач – просопографический, а основными источниками исследования являются вкладные книги [11, т. 1, с. 9]. Ведение вкладных книг в монастырях Московского государства было предписано решением Стоглавого собора 1551 г. [7]. К сожа-

лению, во многих случаях эти ценные памятники до нашего времени не дошли. Счастливым исключением является комплекс из четырех вкладных книг КБМ. Один из списков ранней редакции этих памятников опубликован А.И. Алексеевым [2]. Ценные наблюдения над особенностями ведения этой учетно-хозяйственной документации сделаны З.В. Дмитриевой [7]. В частности, отмечена практика сокращения текста при переписывании монахами документов данного вида. Следовательно, при использовании вкладных книг КБМ необходимо опираться на наиболее полные редакции вкладных записей. Примером указанного подхода является работа о вкладах Годуновых [8]. Она основана на данных из другой рукописи первой редакции вкладной книги, содержащей более подробные записи в сравнении с опубликованной [2].

Создание второй редакции вкладной книги КБМ происходило между 1618 и 1640 гг. [3]. Третья редакция 1680-х гг. имеет наибольший объем [4]. Записи о вкладах вносились в нее до 1775 года.

Анализ. Во вкладных книгах не у всех записей поставлены даты, что затрудняет определение динамики вкладов. Датировку можно осуществить с помощью биографических сведений о вкладчиках. Кроме того, следует учесть, что в опубликованную редакцию включены записи до начала 1560-х гг. [2, с. 20–23].

Если сведений о вкладе в этом тексте нет, то он должен был поступить после 1560 года.

О более высоком статусе КБМ в сравнении с другими региональными обителями свидетельствует стоимость «вечного поминания». Между 1525 и 1532 гг. она была установлена игуменом Феодосием «з братиею» в размере 50 руб. [2, с. 26, 66], тогда как в Ростовском Борисоглебском, Ярославском Толгском монастырях составляла около 30 руб. [13, с. 53; 14, с. 83].

В общей сложности за XVI в. вкладные книги содержат записи о вкладах в КБМ представителей более 40 княжеских фамилий из Оболенских, Ростовских, Суздальских, Ярославских, Стародубских, Белозерских и других Рюриковичей, а также Гедиминовичей.

Князья служилые. Большие вклады давали князья, принадлежавшие к первостепенной знати государева двора, крупнейшие землевладельцы. Некоторые из них сохраняли части своих прежних удельных княжеств (Воротынские), а другие получили во владение целые волости, иногда даже уезды (Бельские, Мстиславские, Глинские). В Дворовой тетради и других реестрах государева двора XVI в. им было присвоено особое наименование «Князья служилые» [11, т. 1, с. 52–53].

Вероятно, через вдову князя Андрея Ивановича Старицкого княгиню Евфросинию Андреевну (*Хованскую*) установились связи между КБМ и домом удельных князей Старицких. Сама княгиня внесла крупный вклад (100 руб.) в обеспечение поминания отца (князя Андрея Федоровича Хованского), матери (княгини-инокини Варсонофьи) и брата (князя Ивана Андреевича). Примерно такую же сумму (90 руб.) «пожаловал» Иван Грозный по князю Андрею Ивановичу Старицкому, его княгине Евфросинии (в инокинях Евдокии), их сыну Владимиру, а также внукам князя Василия и «дву дочерех» князя Владимира [4, л. 19 об.]. Этот вклад, вероятно, следует датировать 1573 г. – по времени кончины сына князя В.И. Старицкого Василия [10, с. 33].

Сокращение текста переписчиками подтверждается сравнением записей вкладных книг первой и третьей редакций. Так, вкладная запись князя И. Хованского, приблизительно датированная 1550 г.: «Месяца апреля дал князь Иван Хованской 20 рублев. А написали

в сенаники: 3 имяна во вседневной на пять лет, а в вечной сенаник без выгладки. А за его здравие Бога молити. А Бог пошлет по душу, ино его написати в оба сенаника по тому же» [2, с. 59]. В рукописи третьей редакции эта запись сжата в одно предложение: «Князь Иоанн Хованской дал вкладом дватцать рублев» [4, л. 109].

Противоположный пример – другая поминальная запись Хованских 1567/68 годов. В ней сообщается о родстве с Белозерскими Рюриковичами князьями Согорскими: «князя Даниила Василиевича Хованского сожителница его княгини Соломония, во иноцех Александра, дочь князя Константина Ахметекевича Согорскаго дала вкладом вотчину свою в Пошехонском уезде село Тутаново з деревнями и с пустошми и со всеми угоды» [4, л. 109]. В первом браке, заключенном до 1542 г., княгиня Соломония была супругой князя Андрея Юрьевича Пронского [12, с. 49]. Из этой записи определяется приблизительное время кончины князя Д.В. Хованского, выясняется имя, принятое при пострижении княгиней, подтверждается ее принадлежность к линии князя Ивана Ахметека Ивановича, а не его брата князя Ивана Лыско. В книге первой редакции эта запись приведена в сокращенном виде без упоминания князя Константина, а во второй отсутствует [3, л. 115]. Вероятно, при оформлении книги третьей редакции не ограничили только сведениями из первой, но использовали иные источники (грамота из копийной книги или другая вкладная книга первой редакции, но с более подробными записями) [7; 9, с. 131].

О родстве князей Хованских и Пронских свидетельствует поминальный вклад (50 руб.) княгини Евфросинии Старицкой «по сестре по своей по княгине Проньского» [2, с. 29]. В рукописях второй и третьей редакций сообщается имя «сестры»: «Княгиня ж Евфросиния по сестре своей княгине Фотиние Пронского дала вкладом пятьдесят рублев» [3, л. 28 об.; 4, л. 36 об.]. К сожалению, из текста неясно, подразумевалась сестра родная, двоюродная или троюродная. Княгиня Фотиния была женой боярина князя Даниила Пронского [12, с. 54, 58, 80].

Вклад царя «по князе Михайле *Черкасском* сто тритцать рублев» можно датировать

1571 г. [4, л. 19 об.]. Князь Михаил Темрюкович погиб около этого времени [17, с. 425, 434].

Вкладные записи отражают устойчивость статуса неизменно пользовавшихся расположением Ивана Грозного князей *Глинских*. Один из первых вкладов был сделан между 1536 и 1556 гг.: «По князе Михайле Лвовиче Глинском дали на помин пятьдесят восемь рублей» [4, л. 65]. Князь М.Л. Глинский умер в заключении в 1536 г., но поминальный вклад по нему мог поступить позднее, например, от его сына князя Василия [17, с. 86, 88]. В данном случае снова имеет место редукция текста переписчиком. В первой редакции записано: «По князе Михайле Лвовиче Глинском дали 58 рублей. И за то даяние написан в оба сенаника без выкладки, доколе монастырь стоит» [2, с. 49].

Датирован 1559/60 г. крупный денежный вклад царя по боярину князю М.В. Глинскому: «Лета 7068 царь государь и великий князь Иоанн Василиевич всея Руси пожаловал по князе Михайле Василиевиче Глинском да по княгине его Феодотии, во инокинях Феодосии, четьреста рублей» [4, л. 65]. Вероятно, в записи указана вторая супруга князя М.В. Глинского – княжна Евдокия Федоровна Скопина. Она приняла постриг после смерти мужа и прожила в монашестве до 1570 г. [11, т. 2, с. 193–195, 252]. Несовпадение имен княгини можно объяснить как ошибкой переписчика, так и распространенной в XVI в. двуименностью. В данном случае Феодотия могло быть крестильным (молитвенным) именем княгини.

Интересна запись, свидетельствующая о родстве князей Глинских и Ярославских Рюриковичей Судских: «Князя Иоанна Феодоровича Судского княгини Агрипины по зяте своем по князе Василие Михайловиче Глинском дала двести рублей денег. Да по дщери своей по княгине Ирине дала пятьдесят рублей» [4, л. 65]. В публикации книги первой редакции этой записи нет, поэтому датировать ее следует временем после 1560 года. Князь В.М. Глинский (молитвенное имя Прокопий) умер в 1564 г. [11, т. 1, с. 431]. Вероятно, вскоре скончалась княгиня И.И. Судская. Далее следует дополнение: «И князь Михайло Василиевич и княгини его инокиня Феодосия и князь Михайло Лвович, и князь Василий Михайлович, и княгини его Ирина в синодики написаны. А помин по них

сентября 28, июня 11, августа 3 день. Понахиды поют и литургии служат собором» [4, л. 65 – 65 об.]. Вклад княгини Агрипины в КБМ мог поступить около 1564 года.

Знатнейшей фамилией в Московском государстве являлись Гедиминовичи *Бельские* [11, т. 1, с. 55–56]. Поминальный вклад (50 руб.) «по князе Иоанне Феодоровиче Белском» его супруги княгини Ксении датируется временем гибели князя И.Ф. Бельского в 1542 г. [2, с. 29, 67; 4, л. 66]. Князь И.Ф. Бельский был женат на сестре князя П.М. Щенятева [15, с. 356–357].

Небольшой вклад (10 руб.) был дан около 1551 г. старшим братом князя Ивана боярином князем Дмитрием Федоровичем по супруге «княгине иноке Александре» [4, л. 66 об.]. Жена князя Д.Ф. Бельского перед смертью приняла постриг под именем Александра (в миру ее звали Марфой). Она была дочерью боярина И.А. Челяднина [2, с. 50, 76].

После гибели в мае 1571 г. семьи князя И.Д. Бельского царь в 1575/76 г. «по боярине по князе Иоанне Димитриевиче Бельском пожаловал в Ростовском уезде село Спасское и Фатьяново з деревнями да в Московском уезде селцо Пирогово с пустошами» [4, л. 66; 17, с. 427]. Эта запись дополняет сведения о землях князя И.Д. Бельского. Для уточнения родословной Бельских важна еще одна запись: «болярин Иоанн Димитриевич, а имя ему Леонтий, и по отце его иноке Изосиме, и по матери его иноке Александре и по сожителнице его княгине Марфе, и их дети князь Василий младенец, князь Иоанн младенец, князь Феодор младенец, княжна Анна младенец, княжна Анастасия в синодики написаны. А помин по них и по их родителех сентября 2, генваря 13, мая 24, июня 20» [4, л. 66 – 66 об.].

В КБМ давали также вклады нетитулованные Бельские – Богдан Яковлевич и др. Переписчик объединил их записи с княжескими [4, л. 66 – 66 об.].

После пресечения Бельских первенство в Боярской думе перешло к *Мстиславским* [17, с. 429]. В ранней редакции вкладной книги отмечен вклад князя Ивана Федоровича, данный до 1560 г. [2, с. 30]. В ходе начавшейся после смерти Ивана Грозного политической борьбы знатнейший из бояр князь И.Ф. Мстиславский был пострижен и отправлен в КБМ. Около 1586 г. в обитель поступил поминальный вклад

(50 руб.) от его сына Федора «по отце своему князе Иоанне, во иноцех Иосифе» [4, л. 79].

В КБМ располагалась фамильная усыпальница князей *Воротынских*, поэтому большое число крупных пожертвований от них неслучайно [3, л. 37–41]. В 1548/49 г. 100 руб. в обитель внес князь Владимир Иванович [4, л. 81]. Известный воевода князь Михаил Иванович в 1553/54 г. дал 300 руб. «по брате своему князе Владимире Иоанновиче». Супруга князя В.И. Воротынского княгиня Марья «в дом Пречистые Богородицы и чудотворцу Кирилу дала вотчину свою в Бежецком Верху селцо Тереботун с деревнями и с пустоши. И за то вотчинное даяние и по приказу построена над князем Владимиром Иоанновичем церковь каменная великаго князя Владимира Киевскаго» [4, л. 81 – 81 об.]. Княгиня Марья происходила из княжеской фамилии Телепневых-Оболенских [11, т. 2, с. 205]. В КБМ Воротынскими было также передано немало вкладов вещами [4, л. 81 об. – 82 об.].

В 1557/58 г. князь Михаил Иванович дал 200 рублей. От него же в 1566/67 г. поступили в обитель 150 руб. и «того ж году» еще 100 руб. [4, л. 83].

Младший из братьев Воротынских князь Александр «по сожителнице своей княгине Ирине» внес в КБМ 50 руб. [4, л. 82 об.]. Около 1566 г. царь «по князе Александре Иоанновиче Воротынском» пожертвовал большую сумму 250 руб. деньгами, а также вещи [4, л. 83].

Спустя значительное время после гибели князя М.И. Воротынского в 1573 г. его сын боярин князь Иван Михайлович в 7114 (1605/06) г. «по отце своему по князе Михаиле Иоанновиче да по брате князе Логине Михайловиче» передал КБМ 200 руб. [4, л. 83 об.; 17, с. 475–477]. По этой записи устанавливается молитвенное имя умершего в июле 1584 г. князя Дмитрия Михайловича [11, т. 1, с. 604].

От князя Петра *Щенятева* в КБМ поступил вклад по отцу «князе Михайле Даниловиче да по брате своему князе Василии Михайловиче сто пятьдесят рублей да евангелие напрестолное, да образ Спаса Христа в приписи чудотворцы обложен серебром за пятьдесят рублей» [2, с. 31; 4, л. 128]. Боярин князь П.М. Щенятев погиб в опале в 1566 г. [17, с. 297–298]. Тем не менее Иван Грозный дал по нему в обитель большой вклад – 500 руб. [4, л. 20].

Во второй трети XVI в. приобрела большое влияние в Московском государстве ветвь *Оболенских* Рюриковичей, но тесных связей с КБМ у них не установилось [11, т. 1, с. 97–100; 17, с. 118]. Наиболее видные князья давали в обитель разовые, как правило небольшие вклады. Так, монахом стал старший из сыновей князя И. Репни Василий. От него «на гроб чудотворца Кирилла» был передан «покров с чудотворцевым образом» [2, с. 62; 4, л. 121]. Брат князя В.И. Репнина боярин князь Петр Иванович принял постриг перед кончиной. Он пожертвовал КБМ только 5 руб. [2, с. 52; 4, л. 121]. В Московском государстве имела место практика завещания сравнительно небольших вкладов для поминания в разных монастырях [1, с. 92]. Вероятно, вклад в КБМ был назначен князем Петром в духовной грамоте. Вкладная запись сообщает его иноческое имя Пафнотий. Связи Репниных с КБМ не были тесными. Косвенно это обстоятельство подтверждает пострижение князя В.И. Репнина в Корнильево монастыре, а не в КБМ [11, т. 1, с. 83].

Князь Ф.В. Лопата-Телепнев погиб в бою под Казанью в 1530 г., но поминальный вклад (50 руб.) по нему помечен 1558/59 г. [4, л. 125 об.]. В ранней редакции эта вкладная запись не датирована [2, с. 36].

Загадку представляет запись о князе Максиме *Пенинском*, давшем в КБМ 10 руб. [2, с. 52; 4, л. 212]. В данном случае, по-видимому, указано крестильное, а не мирское имя. Однозначно определить, кто из Пенинских подразумевался, нельзя [11, т. 2, с. 208–209].

По последнему из князей *Стригинных-Оболенских* Ивану Александровичу дали в 1555/56 г. поминальный вклад (50 руб.) «по духовной грамоте» душеприказчики «князь Димитрей Иванович Курлятев с товарищи» [2, с. 46; 11, т. 1, с. 87].

Наряду с князем Д.И. Курлятевым видное положение в государевом дворе заняли князья Немые [11, т. 1, с. 76]. Боярин князь Иван Васильевич Немой «обложил образ Пречистые Богородицы за дватцать пять рублей. Да после ево дано дватцать ж пять рублей» [2, с. 36; 4, л. 184]. В общей сложности вкладов Немых хватило для записи в синодики и кормовую книгу князя Ивана и его сына князя Дмитрия [4, л. 184]. В начале 1560-х гг. боярин князь Д.И. Немой попал в опалу и был

насиленно пострижен в Иосифо-Волоколамском монастыре, где и умер [11, т. 1, с. 76]. Все же в 1560/61 г. «царь государь и великий князь Иоанн Василиевич всяя Руси по князе Дмитрии Немом пожаловал пятьдесят рублей» [4, л. 184].

По казненному в опале за попытку отъезда в Литву в 1564 г., не имевшему близкой родни князю Петру *Горенскому* Иван Грозный дал 50 руб. [4, л. 217 об.; 11, т. 1, с. 79, 434; 17, с. 207, 241].

Еще при жизни в два приема по себе и супруге внес 100 руб. князь Осип Тимофеевич *Тростенский* [2, с. 30; 4, л. 176]. В рукописи третьей редакции вклад датирован 1559/60 г., тогда как князь Осип скончался 1 августа 1557 г. [11, т. 1, с. 89].

От князя Никиты Васильевича Оболенского (Тюфякина?) поступил в 1569/70 г. не большой вклад (10 руб.) [4, л. 108 об.].

В XVI в. с князьями *Ростовскими* в КБМ связано всего три вклада. Около 1538 г. по жене княгине Марье и по себе дал 25 руб. боярин князь А.А. Хохолков [2, с. 51, 77; 4, л. 107].

Супругой другого видного Ростовского Рюриковича боярина князя Андрея Дмитриевича была сестра Ивана Ивановича Хабарова Ирина. После смерти мужа она постриглась под именем Марины [11, т. 1, с. 106]. Поминальный вклад (50 руб.) по ней внес ее брат [2, с. 33; 4, л. 171 об.].

Жена князя Василия Федоровича Бахтеярова (во иноцех Варлама) княгиня Софья («во святом крещении нареченная Фекла») дала 50 руб. по умершему около 7107 (1598/99) г. супругу [4, л. 107 об.]. В данном случае уникально сообщение о молитвенном имени княгини.

Немного вкладов поступило от имевших большой «политический вес» князей *Суздальской* ветви Рюриковичей.

Вероятно, около 1560 г. от боярина князя Федора Ивановича *Скопина-Шуйского* было передано «паникадило сребрено за двенадцать рублей» [4, л. 60]. В книге первой редакции соответствующей записи нет, и можно заключить, что указанный вклад был дан в КБМ после 1560 года. Князь Ф.И. Скопин умер в 1558/59 г. [11, т. 2, с. 252]. Возможно, паникадило предназначалось монастырю по завещанию, но душеприказчики задержались с его доставкой в обитель.

Наиболее влиятельный среди князей Суздальских в 1550-х гг. боярин князь Александр Борисович *Горбатый* в 1559/60 г. в КБМ «по сожителнице своей и по своей душе дал вкладом сто рублей» [2, с. 31; 4, л. 157]. Сложно однозначно интерпретировать запись «По княгине Марии Горбатого дано десять рублей» [2, с. 61, 79; 4, л. 244]. В данном случае речь может идти о супруге кого-то из князей Горбатовых-Шуйских или Мосальских-Горбатовых.

В 1587 г. был сослан и вскоре погиб знаменитый военачальник боярин князь Иван Петрович Шуйский. Поминальный вклад по нему (100 руб.) поступил в 1588 г. [16, с. 58–59]. Вкладчиками КБМ являлись дед и отец князя И.П. Шуйского. Между 1542 и 1564 гг. они сделали денежные вклады на общую сумму 432 руб. [2, с. 34].

От *Ярославской* ветви Рюриковичей КБМ досталось немало пожертвований в XVI веке. Князь Давыд Данилович Хромой передал в обитель «вотчину свою село Однолетово» [2, с. 36; 4, л. 217]. Он скончался около 1535/36 г., и вклад, вероятно, поступил тогда же [11, т. 2, с. 263]. Власти КБМ продали полученное село за 160 рублей.

Тесные связи с КБМ князей *Кубенских* объясняются размещением в обители погребений некоторых лиц этой фамилии. Лидирующие позиции среди князей Ярославских в 1540-х гг. занимали братья князя Иван и Михаил Кубенские. Вклады по боярину князю И.И. Кубенскому поступили в 1546 г. [2, с. 32; 4, л. 68]. Князь Иван был казнен в опале 21 июля 1546 г., но от царя по нему был дан в КБМ крупный денежный вклад – 100 руб. [4, л. 20; 11, т. 2, с. 268]. Боярин князь Михаил Иванович пережил брата ненадолго. Он умер в 1549/50 г. и похоронен в КБМ. Его душеприказчики боярин князь Д.Ф. Палецкий и Ф.И. Сукин передали в обитель «по князе Михайле Иоанновиче Кубенском и по его родителех в Дмитровском уезде село Куликово з деревнями за шесть сот рублей, да денгами дали 200 рублей» [2, с. 31–32]. Поминальные вклады по князю М.И. Кубенскому поступали также от царя [4, л. 20, 67 об.].

Вкладчиками КБМ являлись претендовавшие на старшинство в ветви Ярославских Рюриковичей князья *Пенковы* [2, с. 31, 60; 4, л. 73–73 об.]. Князь Иван Данилович был женат на родной сестре правительницы Елены

Глинской княжне Марье Васильевне, а другим браком на дочери боярина князя Андрея Михайловича Шуйского. Супругой его брата князя Василия стала княжна из ветви Тверских Рюриковичей Анна Осиповна Дорогобужская [11, т. 1, с. 146–149].

Вниманием царя пользовались князья *Судские*. В КБМ Иван Грозный «пожаловал по князе Иоанне Феодоровиче Судском» 200 р. [4, л. 69]. Вклады денежные и вещевые поступили в обитель также от самого князя И.Ф. Судского и его супруги [2, с. 37; 4, л. 69].

В 1555/56 г. царем был дан поминальный вклад (50 руб.) по не оставившему мужского потомства князю Семену Федоровичу *Алабышеву* [2, с. 45, 74].

Связи с КБМ князей *Прозоровских*, *Сицких*, *Ушатых*, вероятно, были обусловлены относительной близостью к обители их вотчин в Ярославском Заволжье. В начале 1550-х гг. умер князь Ф.А. Прозоровский. По видимому, в соответствии с завещанием его сыновья, князья Михаил и Никита, сделали поминальный вклад в 1551/52 г. 200 руб. «по отце своем по князе Федоре Андреевиче, а во иноцех Феодосей» [2, с. 40; 4, л. 118].

На княжне Ирине Прозоровской женился родной брат известного воеводы, покорителя Астраханского ханства князя Юрия Ивановича Шемякина Пронского князь Никита. Этот союз длился недолго вследствие преждевременной смерти супругов в середине 1550-х гг. [12, с. 58]. Вероятно, около этого времени мать княгини Ирины княгиня Агриппина внесла в КБМ поминальный вклад (50 руб.) [2, с. 40]. Во вкладной книге третьей редакции эта запись воспроизведена искаженно: «Княгиня Агриппина Прозоровских по княгине Ирине дщери князя Никиты Шемякина Пронского дала вкладом пятьдесят рублей» [4, л. 118]. От княгини Агриппины в КБМ поступили еще два других вклада [2, с. 40; 4, л. 118–118 об.].

Племянник князя Ф.А. Прозоровского князь Василий Иванович в 1565/66 г. внес в КБМ по отцу князю Ивану Андреевичу 27 руб. [4, л. 119].

Мало определенных сведений о судьбах в период опричнины сыновей князей И.А. и Ф.А. Прозоровских [11, т. 1, с. 523]. Поминальный вклад (50 руб.) в КБМ жены князя Михаила Федоровича княгини Елены «по

сожителе своем» не датирован в рукописи третьей редакции. Переписчик опустил важное указание «дала вкладу в 75-м году при игумене Кириле» [3, л. 95]. 9 марта 1570 г. в КБМ поступил большой поминальный вклад (100 руб.) от князя Ивана Андреевича Шуйского «по княгине иноке Александре Прозоровской» [4, л. 118 об.]. Возможно, в этой записи подразумевается княгиня Елена (Алена), принявшая монашество после смерти мужа под именем Александры. Снова переписчиком пропущено уточнение «и за те денги и за прежнее давание княгиню иноку Александру написали в оба сенаника в вседневной и в вечной», то есть от княгини в обитель уже делались вклады [3, л. 95 об.].

В 1571/72 г. в КБМ дали вещевой вклад братья князя Василий и Андрей Александровичи «по отце своем Александре и матери Пелагии» [4, л. 118 об.].

Таким образом, можно датировать кончину князей Михаила Федоровича и Александра Ивановича Прозоровских временем опричнины – 1566/67 и 1571/72 гг. соответственно. Крупные вотчины Прозоровских в Ярославском уезде были взяты в дворцовые земли «на государя». Их удалось вернуть только внукам князя А.И. Прозоровского князьям Семену и Матвею Васильевичам в XVII в. [11, т. 2, с. 9, 12].

В КБМ принял постриг князь Семен («во иноцех Серапион») Федорович *Сицкий*. Он умер 7 марта 1555 г. [2, с. 37]. Это редкий для XVI в. случай, когда время кончины указано точно. Еще при жизни им был дан большой денежно-вещевой вклад на сумму свыше 200 рублей. В поздней редакции запись о вкладе князя С.Ф. Сицкого помечена 1568/69 г., что, очевидно, неверно, а сообщение о его смерти «Лета 7063-го месяца марта 7 день» потеряно [4, л. 126 об.].

Крупный вклад (100 руб.) сделала вдова брата князя С.Ф. Сицкого князя Юрия Меньшого княгиня Мария в 1540-х гг. [2, с. 44]. В рукописи третьей редакции эта запись сильно сокращена, а сумма вклада показана 150 руб. [4, л. 126 об.].

Небольшие пожертвования, вероятно, данные по завещаниям, поступили от княгини Ксении, князя Ивана Юрьевича Сицких, княгини Феодоры по мужу князю Василию Чулкову

Ушатому, а также по князю Ивану Ушатому и его жене княгине-инокине Киликее (Мятлевой?) [2, с. 51, 60, 61, 65; 4, л. 127 об., 210, 213].

Около 1589 г. на воеводстве в Астрахани умер князь Петр Иванович Хворостинин. Его старшие братья дали в КБМ поминальный вклад (50 руб.) в 7100 (1591/92) г. [4, л. 128 об.; 11, т. 1, с. 634].

Связи с КБМ поддерживал наиболее видный из *Стародубских* Рюриковичей во второй трети XVI в. боярин князь Дмитрий Федорович *Палецкий*. Его дочь княжна Ульяна была выдана замуж за брата Ивана Грозного князя Юрия Васильевича. В 1560 г. от царя в КБМ поступил поминальный вклад (50 руб.) «по племяннике своем по князе Василии Юриевиче» [4, л. 12]. Иван Грозный дал два крупных денежных вклада – 120 и 130 руб., а также вещи и «в Бежецком Верху в Ыногостицкой волости» село Вильгошье с деревнями по самому князю Д.Ф. Палецкому [4, л. 70].

При жизни боярин князь Д.Ф. Палецкий передал в КБМ ряд вкладов деньгами и вещами на несколько сотен рублей по двоюродному брату князю Давыду Федоровичу и своей супруге [2, с. 31, 46, 60; 4, л. 70 об.].

Между 1564 и 1579 гг. в сражениях Ливонской войны из пяти сыновей князя Д.Ф. Палецкого погибли четверо. По убитому в 1564 г. князю Федору 50 руб. было «на помин дано». В 1565/66 г. князья Василий, Андрей, Борис Дмитриевичи Палецкие по братьям князьям Семене и Федоре внесли в обитель 175 руб. «да чарку золоту за семдесят пять рублей». В 1567 г. от ран умер князь Василий. Поминальный вклад (100 руб.) по нему передал в КБМ князь М.И. Воротынский [4, л. 70 об. – 71]. В сентябре 1579 г. в бою под крепостью Сокол погиб князь Андрей. Его большие вотчины в Пошехонском уезде села Горинское и Петровское были взяты «на государя», а в КБМ дан большой поминальный вклад (2 000 руб.). Царский вклад «по князе Димитрие Феодоровиче Палецком и по его княгине иноке Марфе, по их детех князе Симеоне, князе Василие, князе Феодоре, князе Андрее, князе Борисе в Костромском уезде вотчину их село Стретенское з деревнями и с пустошми» помечен 1582/83 г. [4, л. 70]. Младший сын князя Д.Ф. Палецкого постригся в КБМ и сделал крупный вклад: «Князь Борис Димитриевич

Палецкой, во иноцех Боголеп, к иконе чудотворца Кирилла приложил пелену з жемчюги и з дробницы за триста рублей» [4, л. 71]. В монастыре он прожил до 1608 г. [11, т. 2, с. 371].

Два вклада в КБМ поступили от *Ромодановских*. По умершему в 1551 г. князю Андрею Нагаю было дано 10 руб. [2, с. 59; 11, т. 2, с. 353]. В 1563/64 г. 50 руб. внес князь Федор Борисович. В 1569/70 г. по его родному брату князю Ивану «во иноцех Мардарии дано вкладом шатер да платья и всякия рухляди на пятьдесят рублей» [4, л. 123].

Сыновья князя Ивана Александровича *Кривоборского* князья Андрей, Василий, Иван, Федор, Василий Меньшой по отцу дали в КБМ поминальный вклад 50 руб. в 1559/60 г. [2, с. 50]. После 1560 г. князь В.И. Кривоборский «з братиею» «по отце ж своем и по матери княгине Евдокие дали вкладом в Белозерском уезде на реке Суде селцо Старой Погост з деревнями и с починки» [6, с. 55–56]. По супруге Ольге князь Василий Иванович пожертвовал в обитель 50 руб. [4, л. 156].

Близкими соседями КБМ являлись князья Кемские из *Белозерской* ветви Рюриковичей. Несмотря на скромные достижения на службе, их благосостояние было хорошим и князья имели возможность делать в обитель значительные вклады [2, с. 35–36, 61; 4, л. 124–124 об.]. Как установил А.Л. Грязнов, связи Кемских с КБМ были настолько тесными, что они хранили в этой обители свой архив [5, с. 177–199]. В XVI в. разовые вклады делали князья Андомские, Вадбальские (Чесноковы), Согорские [2, с. 51, 52; 4, л. 185–185 об., 210 об.].

В КБМ были даны вклады по двум наиболее видным князьям ветви *Тверских* Рюриковичей. 1559/60 г. помечены вклады 50 руб. по умершему около 1540 г. князю Василию Андреевичу Микулинскому и 150 руб. по его племяннику, скончавшемуся в 1559 г., знаменитому воеводе князю Семену Ивановичу [2, с. 30; 4, л. 72; 11, т. 2, с. 403–404].

Из *Рязанских* Рюриковичей вклады в КБМ давал боярин князь Иван Иванович Турунтай *Пронский*. В 1555/56 г. от него поступили в обитель 106 руб., а также «двор на Москве». Брат (двоюродный, троюродный?) князя В.А. Старицкого князь Петр Данилович передал КБМ 50 рублей. Погибший в период опричнины их родственник князь Василий Фе-

дорович Рыбин при продаже вотчинного села КБМ «не донял 10 рублей», обеспечив поименование отца [2, с. 45, 65; 4, л. 120; 12, с. 58–59].

В период опричнины на короткое время повысился статус князей *Вяземских*. Единственный вклад, поступивший в КБМ от этой фамилии, относится к 1570/71 г.: жена князя Василия Вяземского княгиня Агриппина внесла «по сожителе своем» 50 руб. [4, л. 121]. Вероятно, в записи указан старший брат известного опричника, оружничего князя Афанасия, князь Василий Иванович Волк [11, т. 2, с. 454].

Результаты. Большинство князей, делавших вклады в КБМ в XVI в., имели высокий общественный статус, близких родственников в Боярской думе или сами являлись боярами и окольничими (Бельские, Глинские, Хованские, Щенятевы, Мстиславские, Воротынские, Горбатые-Шуйские, Курлятевы, Репнины, Немые, Микулинские, Пронские, Пенковы, Кубенские, Сицкие, Ушатые, Прозоровские, Палецкие и др.). Особый случай – это не преуспевшие на службе князья Кемские. Малочисленность вкладов князей Оболенских, Ростовских, Суздальских объясняется тем, что во второй трети XVI в. они сохраняли крупные вотчины в «родовых гнездах» и вносили пожертвования в свои местные обители.

Неоднократно поступали в КБМ значительные вклады от Ивана Грозного по опальным князьям.

Динамика княжеских вкладов отражает социально-политическую эволюцию княжеских фамилий. Максимум пожертвований, среди которых преобладали денежные, приходится на вторую треть XVI века. Этот период являлся временем благополучия для большинства князей. Заметное сокращение числа вкладов в последних десятилетиях XVI в. объясняется уга-

санием многих фамилий вследствие войн, репрессий Ивана Грозного, эпидемий, а также снижением благосостояния остальных. Из 19 вышеперечисленных влиятельнейших княжеских фамилий к 1600 г. остались только 8, численный состав которых заметно уменьшился (Мстиславские, Воротынские, Репнины, Сицкие, Ушатые, Прозоровские, Пронские, Хованские). Указанный факт свидетельствует о переживавшемся князьями кризисе [11, т. 2, с. 112–117]. Рост числа вкладов произошел после Смуты начала XVII в. и был обусловлен замещением угасших княжеских фамилий вкладчиков Трубецкими, Одоевскими, Голицыными, Черкасскими, Приимковыми-Ростовскими и др. [4, л. 26, 92 – 96 об., 107 – 107 об., 112–115, 117, 170 об.]. Сохранили связи с КБМ князья из фамилий, переживших кризисные десятилетия (Ф.И. Мстиславский, И.М., А.И. и И.А. Воротынские, Шуйские, Сицкие, Прозоровские) [4, л. 27, 59 об. – 60, 79 – 79 об., 84–91, 119, 126 об. – 127].

Данные вкладных книг позволяют выделить основные виды вкладов, делавшихся князьями. Помимо денег вносились предметы церковного обихода: иконы, сосуды и др. Реже передавали коней, зерно, овес [2, с. 31, 37, 42, 43, 60, 61, 62]. Нетипичное пожертвование сделала княгиня М. Воротынская, отдав властям КБМ кабалу на князя Д.И. Немого-Оболенского в 210 руб., «а в тех денгах князь Дмитрий Иванович заложил половину своего села» [2, с. 42–43]. Передача вотчин происходила нечасто и, как правило, князьями, не имевшими сыновей (И.Ф. Судским, М.И. Кубенским, В.И. Воротынским) [2, с. 31, 37, 42]. Случаи пострижения князей в КБМ малочисленны: С.Ф. Сицкий, Б.Д. Палецкий, И.Ф. Мстиславский, И.П. Шуйский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / сост.: С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М.: Памятники ист. мысли, 1998. 638 с.
2. Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3/4. С. 17–117.
3. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 351. Д. 78/1317. 451 л.
4. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 351. Д. 87/1325. 799 л.

5. Грязнов А. Л. Белозерские акты XIV–XVI вв. Исследование и перечень. Вологда: Древности Севера, 2019. 603 с.
6. Грязнов А. Л., Сергеев А. В. Реконструкция и картографирование родового землевладения на примере Стародубских Рюриковичей // Историко-географический журнал. Екатеринбург. 2023. Т. 2, № 2. С. 46–67.
7. Дмитриева З. В. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря (1559/1560 – 1620-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8, вып. 5 (59). URL: <https://history.jes.su/s207987840001876-2-1>
8. Дмитриева З. В., Павлов А. П. Вклады Годуновых в Кирилло-Белозерский монастырь // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 18–29.
9. Енин Г. П. Описание документов XIV–XVII вв. в копиях книг Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. СПб.: РНБ, 1994. 452 с.
10. Панова Т. Д. Некрополи Московского Кремля. М.: Федер. гос. учреждение «Гос. ист.-культ. музей-заповедник “Московский Кремль”», 2010. 71 с.
11. Сергеев А. В. Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI – начала XVII века: в 2 т. СПб.: ДЕАН, 2023. Т. 1. 704 с.; Т. 2. 656 с.
12. Сергеев А. В. Князья Пронские в Русском государстве XVI–XVII вв.: историко-генеалогическое исследование // Российская генеалогия. М.: Старая Басманная, 2023. Вып. 14. С. 38–100.
13. Сергеев А. В. Письменные памятники Ярославского Толгского монастыря как источник биографических сведений о представителях княжеских фамилий Московского государства XVI–XVII вв. // История и культура Ростовской земли. 2017. Ростов Великий: Гос. музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2018. С. 45–62.
14. Сергеев А. В. Представители княжеских фамилий XVI–XVII в. во вкладных и кормовых монастырских книгах из коллекции А.А. Титова // История и культура Ростовской земли. 2014. Ростов Великий: Гос. музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2015. С. 75–84.
15. Сергеев А. В. Представители княжеских фамилий Московского государства XVI–XVII веков во вкладных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Вып. 4. М.: Добрая мысль, 2017. С. 326–374.
16. Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1981. 205 с.
17. Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 571 с.

REFERENCES

1. Kisterev S.N., Timoshina L.A., eds. *Akty Suzdalskogo Spaso-Evfimyeva monastyrya 1506–1608 gg.* [Acts of the Suzdal Spaso-Evfimiev Monastery of 1506–1608]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., 1998. 638 p.
2. Alekseev A.I. Pervaja redakcija vkladnoj knigi Kirillova Belozerskogo monastyrya (1560-e gg.) [First Redaction of the Donation Book of Kirillo-Belozersky Monastery (1560s)]. *Vestnik cerkovnoj istorii* [Bulletin of Church History], 2010, no. 3/4, pp. 17–117.
3. Vkladnaja kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya [Donation Book of the Kirillo-Belozersky Monastery]. *Otdel rukopisej Rossijskoy natsionalnoj biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 351, d. 78/1317. 451 l.
4. Vkladnaja kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya [Donation Book of the Kirillo-Belozersky Monastery]. *Otdel rukopisej Rossijskoy natsionalnoj biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian National Library], f. 351, d. 87/1325. 799 l.
5. Grjaznov A.L. *Belozerskiye akty XIV–XVI vv. Issledovaniye i perechen* [Belozersk Acts of the 14th – 16th Centuries. Research and List]. Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2019. 603 p.
6. Grjaznov A.L., Sergeev A.V. *Rekonstrukciya i kartografirovaniye rodovogo zemlevladieniya na primere Starodubskih Ryurikovichej* [Reconstruction and Mapping of Clan Land Ownership Using the Example of the Starodub Rurikovichs]. *Istoriko-geograficheskij zhurnal* [Historical and Geographical Journal]. Yekaterinburg, 2023, vol. 2, no. 2, pp. 46–67.
7. Dmitrieva Z.V. Vkladnaja kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya (1559/1560–1620-e gg.) [Donation Book of the Kirillo-Belozersky Monastery (1559/1560–1620s)]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal «Istoriya»* [Electronic Scientific and Educational Journal “History”], 2017, vol. 8, iss. 5 (59). URL: <https://history.jes.su/s207987840001876-2-1>
8. Dmitrieva Z.V., Pavlov A.P. Vklady Godunovyh v Kirillo-Belozerskij monastyr [Gifts of the Godunovs to the Kirillo-Belozersky Monastery]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2021, no. 2, pp. 18–29.

9. Enin G.P. *Opisaniye dokumentov XIV–XVII vv. v kopijnykh knigah Kirillo-Belozerskogo monastyrya, hranyashchihsya v otdele rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki* [The Description of Documents of the 16th–17th Centuries in the Copy Books of the Kirillo-Belozersky Monastery, Kept in the Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Saint Petersburg, RNB, 1994. 452 p.
10. Panova T.D. *Nekropoli Moskovskogo Kremlja* [Necropolises of the Moscow Kremlin]. Moscow, Feder. gos. uchrezhdeniye «Gos. ist.-kult. muzey-zapovednik “Moskovskiy Kreml”», 2010. 71 p.
11. Sergeev A.V. *Knyazheskiye familii v Moskovskom gosudarstve vtoroy trety XVI – nachala XVII veka: v 2 t.* [Princely Families in the Moscow State of the Second Third of the 16th – Early 17th Centuries. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, DEAN, 2023, vol. 1. 704 p.; vol. 2. 656 p.
12. Sergeev A.V. Knjazja Pronskiye v Russkom gosudarstve XVI–XVII vv.: istoriko-genealogicheskoye issledovaniye [Princes Pronsky in the Russian State of the 16th – 17th Centuries: Historical and Genealogical Research]. *Rossijskaja genealogiya* [Russian Genealogy]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2023, iss. 14, pp. 38-100.
13. Sergeev A.V. Pismennyye pamjatniki Jaroslavskogo Tolgskogo monastyrya kak istochnik biograficheskikh svedenij o predstaviteljah knjazheskikh familij Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. [Written Monuments of the Yaroslavl Tolgsky Monastery as a Source of Biographical Information About Representatives of the Princely Families of the Moscow State of the 16th – 17th Centuries]. *Istorija i kultura Rostovskoj zemli. 2017* [History and Culture of the Rostov Region. 2017]. Rostov Velikiy, Gos. muzey-zapovednik «Rostovskij Kreml», 2018, pp. 45-62.
14. Sergeev A.V. Predstaviteli knjazheskikh familij XVI–XVII v. vo vkladnykh i kormovykh monastyrskikh knigah iz kollekci A. A. Titova [Representatives of Princely Families of the 16th – 17th Centuries in the Monastery Donation and Commemoration Books from the Collection of A.A. Titov]. *Istorija i kultura Rostovskoj zemli. 2014* [History and Culture of the Rostov Region]. Rostov Velikiy, Gos. muzey-zapovednik «Rostovskij Kreml», 2015, pp. 75-84.
15. Sergeev A.V. Predstaviteli knyazheskikh familij Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vekov vo vkladnykh knigah Iosifo-Volokolamskogo monastyrya [Members of the Princely Families of Muscovy 16th – 17th Centuries in Donation Books of Joseph Volokolamsk Monastery]. *Prepodobnyj Iosif Voloczkiy i ego obitel. Vyp. 4* [St. Joseph of Volokolamsk and His Monastery. Iss. 4]. Moscow, Dobraya mysl Publ., 2017, pp. 326-374.
16. Skrynnikov R.G. *Rossiya nakanune «smutnogo vremeni»* [Russia on the Eve of the “Troubled Time”]. Moscow, Mysl Publ., 1981. 205 p.
17. Skrynnikov R. G. *Tsarstvo terrora* [The Kingdom of Terror]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992. 571 p.

Information About the Author

Anton V. Sergeev, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Industrial Safety, Institute of Industrial Safety, Labor Protection and Social Partnership, Constitution Square, Bld. 1A, Room 1-N, 314A, 196247 Saint Petersburg, Russian Federation, Sergeev1967@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3255-5743>

Информация об авторе

Антон Вадимович Сергеев, доктор исторических наук, заведующий кафедрой промышленной безопасности, Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства, пл. Конституции, д. 1А, помещ. 1-Н, помещ. 314А, 196247 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Sergeev1967@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3255-5743>